

Война памятников по-американски

Демонстранты сносят памятник солдату Конфедерации в Дареме, Северная Каролина

Война памятников, обострение расовой проблемы, столкновения в Шарлоттсвилле, эхом отозвавшиеся по всей стране, — и все это за полгода. О причинах радикализации общественных настроений в США мы говорим с публицистом Михаэлем Дорфманом.

— Михаэль, в США десятилетиями сосуществовали две модели исторической памяти, что позволяло обходиться без единого взгляда на историю. На юге практически невозможно найти памятники президенту Линкольну, а на севере — лидеру Конфедерации Джефферсону Дэвису и генералу Роберту Ли. И никто по этому поводу не лез на баррикады. Что произошло в последние годы? Почему именно сегодня разные взгляды на события 150-летней давности приводят к столкновениям? И неужели разделяющее прошлое затмило позитивный образ совместного будущего?

— Хотелось бы по-еврейски ответить вопросом на вопрос: а что изменилось в Украине? Помню, вернувшись из Украины, где только отгремела Оранжевая революция, я писал, что во Львове стоит памятник Бандере, в Луганске —

Ленину, а одесситы ставят памятник Екатерине Великой — душительнице украинской государственности — и это замечательно, более того — обещает Украине надежное будущее. Увы... с тех пор многое изменилось как в Украине, так и в Соединенных Штатах.

После победы во Второй мировой американцы чувствовали себя героями-победителями. Разумеется, далеко не все и не в равной мере, однако чувство силы и послевоенное благополучие позволили пойти на компромиссы с группами, оставшимися на обочине, жертвами общественной несправедливости и дискриминации. Собственно, еще после Первой мировой в американскую историю удалось включить нарратив конфедератов. Ведь большинство монументов и памятников было воздвигнуто в 1920 — 50-х гг. Хотя на Юге весь этот героический нарратив «Второй американской революции» явно служил целям показать «кто здесь хозяин» чернокожему населению, да и «всяким чужакам с Севера» тоже.

Марш ультраправых в Шарлоттсвилле, Вирджиния

В последние 50 лет массовая культура все больше героизирует жертв. Так называемые политики идентичности объединяют своих членов вокруг собственной жертвенности, добиваются для них всяческих привилегий и

стараятся убедить свою группу, что «все против нас». Моделью для этого стала необыкновенно эффективная борьба евреев после Холокоста. Евреи получили свое государство, антисемитизм стал неприемлем и был законодательно запрещен во многих западных странах, а сами евреи добились экономического успеха.

Настал момент, когда другие меньшинства тоже захотели притвориться «бедными евреями». Как объяснил мне однажды активист организации, добивающейся сноса всех памятников героям Конфедерации в Луизиане, «недостаточно снести все памятники, необходимо провести здесь денацификацию». Ему невдомек, что реальная денацификация проходила в оккупированной стране, где десять лет стояла полумиллионная оккупационная армия, да и то была частично свернута уже в 1946 году. Американцы же преподают себе и рассказывают другим сказочку о том, что денацификацию проводили вдруг прозревшие прогрессивные немцы.

Сокрушение памятников с древности было замечательным способом продемонстрировать, кто тут хозяин. Сегодня же мир охватила эпидемия — арабские революции свергают памятники местным тиранам, исламисты крушат символы язычества, африканцы — памятники колониализма, восточные европейцы — монументы советского периода. Обратите внимание, как без особого шума в Берлине убрали не только памятники, но и большинство сооружений нацистской и советской эпох. Американцы тоже не остались в стороне.

— Если вдуматься, не противоречат ли идеи того же генерала Ли, боровшегося за сохранение рабства, фундаментальным принципам, на которых были созданы Соединенные Штаты? С этой точки зрения памятники ему и флаг Конфедерации вряд ли уместны в публичных местах. Но, с другой стороны, разве не был плантатором-рабовладельцем автор Декларации независимости и третий президент Томас Джефферсон? И сам Джордж Вашингтон. Где проходит граница между национальным героем и расистом и имеет ли в принципе решение эта проблема?

— Ключевое слово здесь «если вдуматься». Но кто сегодня вдумывается? Два поколения американцев воспитаны на том, что важно не то, что они думают, а то, что чувствуют. Это не Франция, где традиционно спрашивают «Что вы

думаете?». Здесь спрашивают «Что вы делаете?» и часами могут говорить о своих чувствах. Профессор Марк Лилла, автор нашумевшего эссе «Конец либерализма идентичности», подытожил царящее в либеральных кругах убеждение, что раз памятники стали центром активности для белых националистов, то их следует убрать. Копаться в истории будем потом. Логика эта очень американская. В нашем городке, например, мэр заявил, что раз на скамейках сидят бездомные, то проблему бездомных надо решить, убрав скамейки.

На обложке: «Ненависть в Америке»

Да и зачем решать проблему, когда выгодней бороться за ее разрешение. Профессиональные жертвы стригут купоны с этой борьбы и заинтересованы в сохранении групповой жертвенности. Беспорядки в Шарлотсвилле всколыхнули всю страну. Наполнились партийные кассы. Специализирующиеся на борьбе с расизмом НГО докладывают о том, что пожертвования потекли рекой. Либеральные политики вдохновились. С другой стороны, и белые националисты получили известность, тоже почувствовали себя жертвами и, думаю, поправили финансовое состояние.

— Согласно опросу журнала *Foreign Policy*, 35% экспертов допускают вероятность серьезного гражданского внутреннего конфликта в США. И это еще до событий в Шарлотсвилле... Градус ненависти действительно столь высок?

— Эксперты постоянно пугают народ различными сценариями конца света. Конфликт в Америке назревает давно, но не из-за памятников. Гражданские конфликты вспыхивают из-за некомпетентности и жадности элит, озабоченных лишь сохранением собственных привилегий. Когда накапливается критическая масса системных ошибок, с которыми властные элиты не сумели справиться, то неизбежно происходит общественный взрыв. Как сформулировал классик, — «низы не хотят, а верхи не могут жить по-старому». В Америке углубляется экономическое неравенство и исчезает средний класс — залог социальной стабильности любого общества. Экономическое неравенство в Америке напоминает Египет времен фараонов. Расово-гендерные политики идентичности как раз отвлекают внимание от социальных конфликтов, от борьбы за лучшее будущее.

— Нельзя отрицать, что расовая сегрегация, существовавшая еще в 1960-е, была позором Соединенных Штатов. Поэтому кампания за гражданские права стала лишь вопросом времени. Но удалось ли за полвека ликвидировать причины и последствия этой сегрегации? Или все ограничилось формальной политкорректностью?

— Борьба за гражданские права — великое и славное событие в американской истории. Люди разных рас, общин и религий поддержали требования афроамериканцев. На трибуне знаменитого марша на Вашингтон вместе с Мартином Лютером Кингом стояли раввин и православный священник, консерваторы и коммунисты. Однако Движение за права человека тоже стало предметом манипуляций. Сегодня не любят вспоминать, что марш на Вашингтон назывался Маршем за свободу и рабочие места. Свобода — это, прежде всего, экономическая свобода. Кинг и его соратники хотели экономической и социальной справедливости. Увековечили же жалкий монумент в Вашингтоне, где белый (!) М.Л. Кинг выходит то ли из холодильника, то ли из шкафа.

Оскверненный памятник Христофору Колумбу

Сегрегации в современной Америке нет, но после полувека борьбы за всяческие расовые, гендерные, экологические и другие справедливости мы оказались в обществе невиданной в истории Америки социальной и экономической несправедливости. Вместо того, чтобы поднять сегрегированные общины, система опускает 99% американцев до уровня угнетенной расы. Я бы сказал класса, но в Америке в помине нет классового дискурса.

Считается, что если каждый может стать миллионером, то классов у нас нет, как в СССР не было секса. 80% молодежи верит, что они станут богатыми. Вместе с тем социальная мобильность в США — одна из самых низких среди развитых стран. Впервые в истории молодое поколение зарабатывает меньше, чем их родители. Американская мечта — иметь свой дом, машину, вырастить двух детей и выучить их в колледже, питаться не объедками и позволить себе раз в год уехать в отпуск — стоит \$110 тысяч в год, а средний доход американской семьи всего \$53 тысячи. Больше половины работающих американцев зарабатывает меньше \$30 тысяч в год, а это ниже

установленного еще в 1960-х годах уровня бедности.

Понятно, что социальное недовольство нарастает, а архаическая американская система — чудо политехнологии 1700-х годов — не позволяет им повлиять на политику.

— Насколько справедливы разговоры о возникновении новой белой идентичности, маркером которой служит память о Конфедерации и ее символах? Является ли эта идентичность расистской в своей основе или мы просто имеем дело с маятником, качнувшимся в другую сторону после официальной и отчасти лицемерной политики политкорректности?

— Свято место пусто не бывает. После всех расово-гендерных миноритарных групп из шкафа выходит последний гендерквир — опущенные аутосорсингом, деиндустриализацией и глобализацией белые, гетеросексуальные американцы, да еще религиозно-соблюдающие — самая маргинализованная группа в западной культуре. Я не думаю, что эта идентичность будет размахивать символами Конфедерации. Все-таки Конфедераты проиграли войну, а это не укладывается в американский эпос победителей. Чайная партия, остановившая в 2010-х возвращение либералов во власть, размахивала как раз символами Американской революции, на которые пока мало кто покушается.

Мартин Лютер Кинг в окружении раввинов

Либеральные политологи разжигают политики идентичности, надеясь, что в скором времени здесь не будет белого большинства и власть упадет к ним в руки. Они ошибаются. Белые националисты всегда будут крайними маргиналами, поскольку Америка — страна не только многорасовая, но и страна смешения рас. И, за исключением афроамериканцев, дети смешанных браков идентифицируют себя белыми, и так будет продолжаться еще довольно долго, ведь структура власти и престижности в Америке не меняется, а богатые элиты преимущественно белые. Такая новая белая

культурная идентичность надежно отодвигает расовую идентичность на задворки. Не знаю, насколько эта метафора справедлива, но кто-то сравнил этот процесс с тем, как российский имперский национализм отодвигает русских этнических националистов.

— Каково место и роль евреев в процессах, сотрясающих страну в последние месяцы? Не случайно у подножия бронзового памятника Томасу Джефферсону в университете Вирджинии белые супремасисты скандировали: «Евреи не займут наше место!» Не секрет, что среди нео-конфедератов много откровенных антисемитов, чьи взгляды близки к нацистским. В то же время и радикально левые группировки не жалуют «евреев-капиталистов», сионистов-оккупантов и буржуазную интеллигенцию.

— Супремасисты, неонацисты и расисты скандировали то, что привлекает внимание СМИ, а дергание евреев за вымя неизбежно вызывает бурю. Как говорится, не бывает негативного пиара.

Аналогичные процессы идут и слева. Различные левацкие, пропалестинские группировки принимают провокационные антисемитские и антиизраильские решения, чтобы добиться как можно большего пропагандистского эффекта. Однако не они делают погоду.

Мейстрим в Америке — как консерваторы, так и либералы — произраильски и филосемитски настроен. Еврейские активисты отдавали свои жизни в борьбе за гражданские права. Евреи создавали ведущую афроамериканскую организацию NAACP (Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения). Евреи основали и до сих пор возглавляют крупнейшую правозащитную организацию по борьбе с расизмом — Южный центр правовой защиты бедноты.

Еврейские активисты с лидерами NAACP

Однако среди расовых меньшинств антисемитизм распространен куда больше, чем среди белых, что постоянно отмечается в отчетах Антидиффамационной лиги.

В ходе предвыборной кампании 2016 года я был одним из тех, кто работал в штабе Берни Сандерса. Мы ходили по домам, встречались с людьми, вели регистрацию избирателей, агитировали. Такого количества неприкрытых антисемитских предрассудков, как среди афроамериканского электората Демократической партии я нигде не встречал за много лет жизни в Америке. Особенно бросался в глаза антисемитизм политических активистов, работавших в штабе Хиллари Клинтон. В нашем штабе была еврейская пара из Аргентины, которая вела работу по-испански. Они рассказывали, что столкнулись среди латиноамериканцев с антисемитизмом, который был присущ разве что предвоенной Восточной Европе. Однако надеюсь, что и эти настроения останутся на задворках американской жизни.

Беседовал Михаил Гольд